

YOUNG
ADULT

КВЕСТ,
ТРИЛЛЕР

СИНТЕЗИС

ПРОДОЛЖЕНИЕ
КВЕСТ-ИСТОРИИ
«ДЕЛЕКТУС»

АЛИСА БАСТИАН

Алиса Бастиан

Синтезис

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69580495
SelfPub; 2023*

Аннотация

Продолжение квест-истории «Делектус». На новом экспериментальном этапе – Синтезисе – героев ждут изменения правил игры, психологические испытания и нелёгкие решения. Совершённые и будущие преступления, бывшие и новые симпатии, жажда возмездия и жизни... Никто из них уже не будет прежним.

Содержание

Часть первая. РЕСТАРТ	5
Глава I. Рекреация	6
Глава II. Выборка	15
Глава III. Ad libitum	24
Глава IV. Положение	37
Глава V. Лифт	52
Глава VI. Синтезис	59
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Алиса Бастиан

Синтезис

Часть первая. РЕСТАРТ

Глава I. Рекреация

Окно было небольшим – таким, чтобы через него нельзя было сбежать. Кричать и звать на помощь было бы чревато, об этом их предупредили сразу. Да и зачем? Ведь у них всё в полном порядке. Ну, не считая... Не считая многих вещей. Хотя по сравнению с литератором, флористкой и баскетболистом у них на данный момент действительно всё было в полном порядке. Другой вопрос – надолго ли, но об этом Асла запретила себе думать. Она коснулась запястья – того, на котором ещё недавно был браслет слежения. Того, на котором теперь были следы от зубов.

«Согласны ли вы продолжить участие в проекте и перейти на следующий этап с сохранением памяти об этой Игре и последних днях?» – такой вопрос поставил Рут на голосование, и её голос оказался последним и решающим. И когда время на размышления вышло, её голос, в котором она изо всех сил пыталась сдерживать дрожь, нырнул в какую-то чёрную бездну, а вынырнул оттуда уже с ответом.

Ответ этот, прозвучавший в полной тишине, тут же разбил её на визжащие осколки. Вспышка света в комнате. Фортр. Вопли. Фортр. Злоба. Боль. Падение. Боль. Равновесие. Олерой. Боль.

«Да», – сказала она, и подписала всем им приговор. По

крайней мере, так думали Фортр с Орнубием.

Асла закрыла глаза. Во рту всё ещё ощущался отвратительный металлический привкус. Сквозь открытое окно доносились звуки повседневной жизни. Жизни тех, кто не застрял в Паноптикуме и кого не ждёт неизвестность новой (*экспериментальной*, прозвучал в голове голос Рута) игры с теми, кто готов тебя убить. Она вдохнула свежий воздух. Лёгкие, за два дня привыкшие к воздуху Паноптикума, были благодарны.

Асла встала с кровати, подошла к раковине и сплюнула в неё. Крови стало меньше, но полностью сильно прикушенная щека до начала нового этапа зажить не успеет. Хорошо хоть, зубы целы. Пока.

Крам с Олероем явно были довольны её ответом, Орнубий, похоже, никак не мог поверить в её решение, а Фортр... Всё, что он пережил, всё, что узнал, адвокат сконцентрировал на ней и на её ответе. В своём страхе он обвинил её. Он не мог пережить, что она решила за него, – хотя это было не совсем так, переубедить его было бессмысленно. Принимая решение, Асла знала, что легко она не отделается, об этом ей красноречиво сказала лицо Фортра, особенно его взгляд. Но она рискнула, и Орнубий, по сравнению со своим Игроком, отреагировал гораздо спокойнее. Адвокат же словно обезумел. Он набросился на неё, а дальше была боль. Крам с Олероем пытались оттащить его, в итоге крепко схватив за руки, что не дало ему возможности сломать ей пару рёбер, на-

пример, но зато он (ярость! ярость! она ещё не встречалась с таким чистым, таким глубинным её проявлением) вцепился зубами в её запястье и всерьёз пытался его прогрызть. Боже.

А теперь им предстоит снова играть вместе. И половина команды винит в этом её, а один из них сейчас для неё опаснее любого задания Паноптикума. И ведь неизвестно, что их ждёт. Даже если им удастся найти какой-то баланс ненависти, ярости и всё-таки командной игры, с каждым промахом или каждым сложным, тревожным, а то и пугающим заданием баланс этот будет нарушаться. Фортр ясно дал ей понять, что она пожалеет о своём решении. И Орнубий не стал его успокаивать.

Ничего, она справится. Надо только держаться поближе к Олерою и Краму. И подальше от Орнубия.

И максимально далеко от Фортра.

Она выбрала то же, что и её Игроки. По разным причинам, но то же. И они не дадут ему напасть. Не дадут ему причинить вред их Инсайту.

Асла решила надеяться на это, но решимость была больше напускной. Но, в конце концов, больше ей надеяться не на кого. Она против Фортра – ничто. Не в таком состоянии, как она, и не в таком состоянии, как он. Орнубий теперь вряд ли сделает что-то, чтобы ей помочь. А Рут... Что ж, может, Смотритель как-то уговорит адвоката. Несмотря ни на что, Фортр – адекватный Игрок, которого даже выбирали Инсайтом, и если он сможет отбросить свою одержимость хотя бы

на время, ради того чтобы пройти новый этап и выиграть, то всё будет нормально. Асла знала, что такое возможно.

Но что-то ей подсказывало, что одержимость эта просто так Фортра не покинет.

После Финала Игры и их Финального Решения, которое в итоге озвучила именно она, после всплеска эмоций и рукоприкладства, радости, одобрения, ужаса, ненависти и бесстрастия, всех их разделили и отправили наверх. Смотритель, получив инструкции от Наблюдательного Совета, провёл их через Зал Собраний, сцена которого была уже пуста – ни кубов-гигантов с шарами, ни трибуны-кафедры, – и отвёл в зону рекреации. Сказал, что перед новым этапом им нужно отдохнуть, и что им выделили пять маленьких комнаток, каждому отдельную, во избежание конфликтов (*кровопролития*, усмехнулся Рут). Им дали один день на то, чтобы «восстановить самочувствие, работоспособность, эмоциональные и психологические силы» и вообще морально подготовиться к Синтезису. Так они всё-таки назвали этот новый этап. Новый эксперимент. Новый кошмар.

Хотя, может, всё будет не так плохо? Они ведь прошли Игру. С допущениями, с промахами. С убийствами. Но прошли. И даже оказались подходящими для создания нового, особенного поселения. Может, они заслужили хотя бы адекватный этап? Без угроз, без насилия, без смертей. Они ведь выиграли. Они – будущее поселения 50.

Ведь так?

Комнатка была невзрачной, но не убогой и не запущенной. Серый пол, серые стены, чистота, свежий запах моющего средства. Комнатка была маленькой, но не настолько, чтобы бояться клаустрофобии. Всё необходимое в ней присутствовало. Простецкая кровать. Туалет, совмещённый с душем. Ящик-холодильник с готовыми трапезами на тарелках, покрытыми пищевой плёнкой. Чашек, правда, не было. Зато – вилка, ложка, нож в жестяной банке на столике. На нём же комплект свежего нижнего белья и носки. Футболка на замену пропитавшейся потом. На стене – белые часы. Стекло по диагонали пересекала трещина. Четыре часа. Чёрные стрелки слегка подрагивали. Ложка с картофельным пюре в руке Аслы тоже. Она через силу запихивала в себя еду, подзревая, что закончится всё встречей с унитазом. Это было весьма вероятно, потому что пюре было ледяным. Разогреть его было негде, и от стояния в комнате оно тоже особенно не нагрелось. К тому же оно оказалось несолёным. Асла могла бы выйти из своей комнаты и как-то решить эти вопросы, но дверь была закрыта снаружи. *Для вашей же безопасности,* сказал Рут, и Асла сначала представила, как Фортр или Орнубий ломятся к ней и *высказывают* всё, что о ней думают, и лишь затем поняла, что по большей части это сделано для того, чтобы они не сбежали. Хотя их и предупредили о последствиях (*всё равно найдут, а злить Наблюдательный Совет не стоит*), шанс на побег оставался всегда. Никаких

пневмопочт или кнопок для связи в комнате не было. Никаких динамиков. Асла ещё поковыряла ледяное пюре, засунула в себя последнюю ложку, проглотила, не жуя, чтобы не ощущать это омерзительное безвкусие, и отложила тарелку. Легла на кровать, завернулась в одеяло. Спать было ещё рано, но она и не смогла бы заснуть. Асла смотрела в серую стену и думала о Финале. Почему она выбрала именно это? Почему сейчас она здесь, а не дома, не отягощённая воспоминаниями, от которых не слишком-то против избавиться? Почему? Ответов было несколько.

Она играла одиннадцать раз, это подтвердил и Рут, и Олерой, да и причин не верить в это не было. Зато причины не доверять Наблюдательному Совету – были. И она не могла с уверенностью сказать, что он сдержал бы слово. Никто не мог бы, конечно, но именно её голос был решающим. И Асла оценила риск того, что им сотрут память, а потом всё равно закинут в Игру, или в Синтезис, как теперь называется их этап. И оценила она его как вероятный. Так что теперь надо было выбирать из двух зол меньшее, и меньшим, конечно, казался вариант с сохранением себя, своей личности и своих воспоминаний. Хотя после того, как ей, оказывается, одиннадцать раз «вырезали холст» с Игррой, Асла вряд ли могла сказать, что чувствует себя сохранённой личностью или когда-нибудь сможет почувствовать. Неизвестно, что ещё они стёрли. Может, не только факты, связанные с Игррой. Может, что-то ещё. Может, много чего ещё. Может, половину

её жизни, она всё равно не узнает, по крайней мере, в данный момент она не знает наверняка ничего. Это было очень больно и очень страшно. Хуже, чем Фортр, хуже, чем предстоящий Синтезис. Хуже, чем что-либо вообще. Крам был прав. Это самое страшное, что можно представить. Потому что ты никогда так и не узнаешь правды. О своих воспоминаниях и о себе...

Асла застонала и зарылась лицом в подушку. Пюре, не согревшееся даже в желудке, холодным комком медленно поднималось к горлу. Внезапно перед глазами возникло бледное, безжизненное лицо Скиптия, и после этого не оставалось ничего другого, кроме как метнуться в туалет. Аслу вырвало, и она со страхом подумала – а что, если пюре было отравлено? На секунду её прошиб пот, но потом она отогнала эту мысль. Хотели бы убить – убили бы давно. Такая возможность представлялась не раз. Это просто стресс. Стресс и страх. Она спустила воду в унитазе, вымыла руки, умылась, вытерла лицо полотенцем. Полотенце было белым и мягким. Не таким, как в их комнате отдыха. Но... Асла сжала ткань руками, и сердце её тоже сжалось. Края полотенца были обшиты тесьмой. Асла закрыла глаза и попыталась понять, почему вдруг тревога стала сдавливать ей грудь. Не поняла. От этого стало ещё страшнее. Полотенце выпало из рук на кафельный пол, и Асла отшатнулась. Что-то промелькнуло в сознании, но ухватить это она не успела. Она в ужасе встряхнула из жестяной банки столовые приборы, сполоснула

её и налила воды из-под крана. Выпила. Налила ещё. Выпила снова. Желудок не обрадовался, но тревога немного отпустила. Вода всегда помогала. Успокаивала.

Асла снова забралась под одеяло, чувствуя себя выпрошенной. Полотенце не давало ей покоя. То же чувство она внезапно ощутила в Финале. И тогда оно было сильнее. Сильнее и страшнее. И оно тоже повлияло на её выбор. Почему она согласилась на Синтезис и сохранение памяти? Ответов было несколько. Недоверие к Совету и возможность уберечь воспоминания, да, но было кое-что ещё.

В той комнате был кто-то, кого она не хотела забывать.

Кто-то, с кем она хотела побыть рядом. Кто-то, к кому у неё возникли вопросы – вместе с тем сильным и странным чувством.

Кто-то, кого она, похоже, уже когда-то забыла.

Однако Асла не исключала возможности самовнушения. Может, ничего такого и не было. Скорее всего, не было. Не может такого быть. Ну просто не может! Асла внезапно всхлипнула, вскочила с кровати и схватила валявшееся на полу полотенце. Перед глазами промелькнула размытая сцена, и больше она ничего не вспомнила. Совет постарался. Но кое-что Асла могла сказать точно. Даже не понимая, откуда, – она просто знала. Такого полотенца не было в их комнате отдыха, но оно было в комнате отдыха в Первой Игре.

Асла вздрогнула, вспомнив, как Олерой с Крамом оттащивали от неё Фортра. Тогда она почувствовал что-то важ-

ное, что-то, что она никак не могла осознать. И важное не тем, что она избежала фортровских увечий. Они спасли её. Он спас её. И это был не первый раз. Теперь она была уверена. Ужас в её глазах они объяснили тем, что адвокат чуть не прогрыз ей вены, и они были правы, конечно, но причиной было и дёрнувшееся в сознании воспоминание. Не дежа вю. Не дежа векю. Именно воспоминание. И вместе с ним кое-что ещё. Очень щемящее, хрупкое и при этом жуткое.

«Это нерационально, – сказала она себе, опускаясь на кафельный пол. – Даже если ты права хотя бы наполовину, у вас нет ничего общего и быть не может. И уж точно не будет».

«Я не убийца, милая», – сказал он, и она поверила, потому что хотела верить. Хотела с самого начала Игры, просто не осознавала этого. Он соврал. Ещё какой. Но разве это важно? Разве это имеет значение?

Конечно, имеет, потому что он убийца.

Конечно, нет, потому что она тоже.

Глава II. Выборка

Рут нажал на кнопку лифта, и двери закрылись. Долго ехать не пришлось – всего один этаж вниз. Орнубия с Фортром разместили в двух комнатках на этаже выше, Аслу, Крама и Олероя – на том, что ниже. Адвоката с Инсайтом он уже посетил, теперь пора было обойти второй этаж. Двери лифта разъехались. Рут прошёл по узкому коридору, уловил запах греющейся еды. Нахмурился, о чём-то задумавшись.

Пятнадцатью минутами позже Смотритель приложил ключ-карту к двери, за которой находилась Асла. Её он оставил напоследок.

– Ты как? Держишься? – спросил он, зайдя в комнату. Дверь за ним закрылась.

Асла вместо ответа посмотрела в окно. Прохожие, чей маршрут проходил около Зала Собраний, бесстрастно направлялись по своим делам. И если она хочет снова оказаться среди них, ей действительно следует держаться.

– Эй? – полувопросительно окликнул её Рут.

Асла повернулась. Рут, прищурившись, рассматривал её лицо, словно впервые видел его. Или словно был бессовестно близорук. Раньше за ним такого не наблюдалось.

– Ага, – буркнула Асла, хотя как-либо поддерживать разговор ей не хотелось. В крайнем случае она была согласна на

грубость, но не на беседу. С одной стороны, сам Рут ничего ей не сделал, конечно. Но... Он был Смотрителем. Он работал на Совет. Он работал на Игру. Он всё знал и он заставил её выбирать. Хотя не он, конечно... Но всё-таки – он.

– Не надо винить во всём меня, – сказал Рут. – Понимаю, что хочется, но не надо. Ты и сама знаешь.

Асла промолчала.

– Слушай... – замялся Смотритель, окинув взглядом комнату. Как он и думал, он оказался прав. – Тут такое дело... Я сейчас вернусь. – И он, приложив карту к сенсору у двери, стремительно вышел.

Вернулся он с какой-то маленькой металлической коробкой с проводами и пластиковым пакетом в руках.

– В общем, нормальных рекреационных комнат у нас четыре, – ставя коробку на стол, сказал Рут. – Ну, потому что... Предполагалось, что вас останется четверо. Нет, это замечательно, конечно, – спохватился он, – просто замечательно, что вас пятеро! Но одна комната у нас оказалась не совсем... подготовленной, – Рут достал из пакета какие-то стеклянные баночки и чашку. – Извини, она досталась именно тебе.

Асла против воли потянулась к склянкам – в них оказались специи. Перец или соль можно было бы опробовать на глазах Смотрителя, выхватить у него ключ-карту и бежать, но она сомневалась, что у неё получится. А вот к пюре соль бы пригодилась.

– Это портативная микроволновка, – объяснил Рут, нажи-

мая сенсорные кнопки на панели коробки. – Разогреть еду. Надо было сразу проверить, всё ли у тебя есть, – извиняющимся тоном добавил он.

– Надо было, – отозвалась Асла довольно резко. – Что теперь?

– В смысле – что вас ждёт?

– Только не говори, что ничего не знаешь.

– Так почти и есть, – вздохнул Рут, присаживаясь на кровать рядом с Аслой. – Меня ещё не проинструктировали по этому поводу. Но скоро должны. Пока я знаю, что вам надо отдохнуть. Новый этап начнётся послезавтра. Вам дали две ночи восстановить силы.

– Взаперти, – добавила Асла.

– Да, – согласился Смотритель. – Но вы же потерпите?

Как будто у нас есть выбор, подумала она, а вслух спросила:

– Зря я согласилась, да? За всех нас...

Рут снова вздохнул. Помолчал немного, потом ответил:

– Я бы рад тебе что-то сказать, но мне запрещено комментировать Финальное Решение. То есть твоё.

– А ты бы что выбрал? На нашем месте? На моём? – Асла не вполне понимала, зачем она задаёт Смотрителю эти вопросы, но Рут почему-то уже не вызывал у неё такой враждебности, как когда только вошёл в комнату.

– Не могу сказать, потому что не могу представить себя на твоём месте. Я работаю на Игру, на Паноптикум, на На-

блюдательный Совет. Я не могу просто отбросить все свои знания и впечатления, а значит, и решить так, как если бы я был на твоём месте, не могу.

– То есть, учитывая то, что ты знаешь, ты бы решил иначе? Ты знаешь, что нас ждёт? Что я ошиблась? Что ты знаешь?

К волнению в голосе Аслы примешивалась почти мольба, но Рут твёрдо ответил:

– Знаю много чего, о чём сказать не могу. Правда. Извини.

Асла подумала и спросила:

– Но кое о чём всё-таки можешь, верно?

На лице Рута отразился безмолвный вопрос.

– Записка. Ты сказал, расскажешь мне позже, если я хочу.

А я хочу. Хочу знать хоть что-нибудь!

– Ах, это... Да. Да, помню. Хорошо.

Он посмотрел на часы – восемь вечера – и вздохнул. Как ей объяснить?

– Почерк... – начала Асла, и Рут кивнул.

– Да. Твой. Ты её написала.

Асла почти не удивилась.

– В какой-то момент... В какой-то момент тебе удалось вырваться, прежде чем тебе «вырезали» очередной «холст» с Игрёй. Мы думали, ты попытаешься сбежать, но, по-видимому, ты поняла, что это тебе не удастся. Ты успела написать самой себе записку и спрятать её в землю горшка. Хотела что-то изменить в следующей Игре.

– Бессмысленно, – сказала Асла. – Мы нашли эту записку,

но слишком поздно. Ничего не изменилось.

– Ты хотя бы попыталась, – вырвалось вдруг у Рута. – А вообще вы бы нашли её раньше. Но при уборке комнат Паноптикума, а именно – комнаты отдыха, горшки с цветами переставляли. И твой, с посланием, задвинули к самой стенке шкафа. Если бы Флора... – у Рута внезапно сел голос, он откашлялся. – Если бы она не полезла в шкаф и горшки не оказались передвинутыми, вы бы вообще эту записку не нашли.

– Орнубий знал про неё... Про записку. Почему?

– Почему? – удивился Рут. – Да потому что он видел это! Он же был Заместителем Главы Наблюдательного Совета, он следил за всеми Играми. По крайней мере за той, в конце которой ты вырвалась и написала себе записку – точно.

Асла вздрогнула.

– Господи! Но ведь...

– Что?

– Но ведь он же не должен этого помнить! Ему стёрли память, он не помнит, что входил в Совет, почему тогда он помнит про записку? Потому что как иначе объяснить то, что он про неё знал? Никто ему не говорил. А сам он толком не объяснил, откуда знает.

– Да... – протянул Рут. – Думаю, тут дело в выборке.

– То есть?

– Технология позволять стирать воспоминания и целые серии воспоминаний, да, но Совет всегда ограничен выбор-

кой. По сути – подчистую они могут стереть только те воспоминания, о которых они в курсе. У остальных процесс модификации происходит с перебоями, и что-то смутное от них у человека всё-таки остаётся.

– И поэтому он не помнит, что входил в Совет, не помнит, что я уже играла, что Олерой работает на Совет, но вспомнил про записку? Но он же её видел!

– Значит, он никому не сказал об этом. Поэтому воспоминание стёрлось не полностью.

И он решил оставить её в Игре, подумала Асла, и сердце её ударилось о грудную клетку чуть сильнее, чем прежде.

– Никому? А тебе?

– Никому. Я узнал об этом лишь недавно.

– Но почему?!

– Не знаю, – пожал плечами Рут.

– За что его отправили в Игру?

– Не знаю, – повторил Рут.

И Олерой не знает. По крайней мере, так сказал. А сам Орнубий не помнит.

– Он вспомнит теперь? Вспомнит, как работал в Совете? Раз ему рассказали?

Смотритель вдруг рассмеялся, и от этого смеха затылок у Аслы похолодел.

– Рассказали? Да ему ничего и не рассказывали, только поставили перед фактом.

– А подробности смогли бы помочь ему вспомнить?

– Асла, – строго сказал Рут, и она невольно вздрогнула. – Ты спрашиваешь из-за него или из-за себя? Слушай, технология эта работает как надо и сбоев вроде пока не давала, – добавил он, когда она не ответила. – Иначе ты бы всё вспомнила на второй, пятой или даже последней Игре, но этого не произошло. Верно? Как и не произошло сейчас. И не произойдёт никогда.

Верно, подумала Асла. Но всё-таки...

– Ладно, – Рут похлопал её по колену. Потом достал из кармана какую-то картонную открытку. – Вот ваше расписание. Отдыхай.

Асла машинально взяла картонку, и, когда Рут уже собрался уходить, спохватилась:

– А можно... Могу я выйти?

– Нет, – покачал головой Рут.

– Ну, не то чтобы совсем выйти, – поправилась Асла, – а... Поговорить со своими?

«Своими Игроками», – собиралась сказать она, но в этом не было необходимости. Всё и так было понятно.

Рут задумался. Потом ответил:

– Завтра. Сегодня всем надо прийти в себя. Отдыхай, – повторил он и ушёл.

Асла взглянула на открытку-расписание, но читать не стала. Бросила её на стол и снова завернулась в одеяло. Впереди была первая ночь после Игры, первая ночь после Финала. Спать ей по-прежнему не хотелось. Она всё думала о том

чувстве, что возникло у неё перед Решением. То, что повлияло на её выбор. То, что обострилось, когда Олерой перехватил адвокатскую руку, собирающуюся как минимум разбить ей лицо, если не придушить. То, в которое она провалилась ещё глубже из-за этой чёртовой тесьмы на полотенце. Олерой. Первая Игра. Что там произошло? Почему именно он и именно Первая?

Внезапно Асла испугалась. Пытаясь что-то вспомнить, раздвинуть границы того, что ей вроде бы приоткрылось, она не могла отличить выдумку от воспоминаний. Она перебирала какие-то возможные варианты, надеясь, что на правильный мозг среагирует, но в итоге сама запуталась, что она придумала, что она вообразила, а что могла бы действительно вспомнить. Единственной константой во всём этом был Олерой. Объяснение у неё было, но насколько оно верное, она не имела ни малейшего понятия.

По крайней мере, она точно не сходит с ума. Спасибо Руту. По крайней мере, она действительно что-то вспомнила, несмотря на все эти «вырезанные холсты» – а это значит, что Совет не знал того, что знала она. Того, что она постепенно вспоминала. А знал это, похоже, лишь один человек кроме неё, и ей было необходимо с ним поговорить. Завтра так завтра. Главное – не вызывать подозрений, иначе её могут лишиться и этих смутных обрывков воспоминаний.

В комнате раздалось лёгкое гудение, длившееся минут пять или все десять, затем свет погас и всё затихло.

Отбой.

Глава III. Ad libitum

Рут бросил в стакан две шипучие таблетки, и вода запенилась, зашипела, гипнотизируя его. Когда растворились последние белые крошки, Рут взял стеклянную палочку и перемешал содержимое стакана. Выпил, поморщился, сжал рукой край хлипкого столика. Боль понемногу остывала. Он проклинал день, когда стал частью Паноптикума. Хотя и выбрал это по собственному желанию. А кто на его месте не выбрал бы?

Боль отпустила. Рут встал, подошёл к мониторам, проверил, всё ли в порядке. Мониторы работали и были готовы к Синтезису, а вот помещения Паноптикума, отведённые под второй этап, готовыми назвать можно было с натяжкой. *Экспериментальный этап, что тут скажешь*, усмехнулся Смотритель. Планшет на столе звякнул. Сценарий Синтезиса и его условия были доставлены получателю. Рут деловито пролистал информацию, бросил взгляд на стакан и пустую упаковку от таблеток. Возможно, они ему больше не понадобятся. Он сделает всё, что должен, но остальное уже будет зависеть не от него.

Они преуспеют, подумал Рут. Он медленно перечитывал инструкции. *Раз уж они здесь – справятся. Но не все...*

Аслу разбудил стук в дверь. Она даже не заметила, как уснула, однако проспала не меньше десяти часов, судя по стрелкам на циферблате. Усталость всё же вырубилась её.

– Минуту! – крикнула она, плеснула в лицо водой, натянула штаны. – Да!

Рут мог бы войти в комнату и так, но тактично постучал, полагая, что Асла может ещё спать, и не ошибся.

– Привет, – сказал он, заходя в комнату. И сразу протянул ей набор в футляре – зубную пасту со щёткой. Поняв, как это могло выглядеть, смутился. – Я вчера... совсем забыл. Не могу за всем уследить, – пробормотал он.

Асла забрала футляр и положила его на столик. Не бросаться же чистить зубы прямо при Руте!

– Это тебе, – Смотритель протянул ей прозрачную ключ-карту. – Как ты и просила. Подойдёт только к комнатам этого этажа.

Можно подумать, я бы навестила кого-нибудь этажом выше, мысленно усмехнулась Асла. Хотя с Орнубием, возможно, она бы и поговорила. По-нормальному. Но был бы в этом смысл?

– Хорошо, – сказала она, забирая карту.

– Такая есть только у тебя. Вечером я её заберу.

– Только у меня?

– Остальные Игроки не изъявили желания выходить из комнат или посещать комнаты других Игроков.

– Понятно, – протянула Асла. Ей почему-то это не очень

понравилось.

– Ну ты-то Инсайт, тебе, считай, положено, – улыбнулся Рут.

– Ты получил... инструкции?

– О, – Рут отвёл взгляд. – Об этом поговорим завтра.

– Скажи, – Асла невольно схватила его за рукав рубашки.

Всё такой же чёрной, как и до этого. – Скажи! Что в них?

– Завтра, – решительно повторил Рут, высвободившись и положив руку ей на плечо. Рука была тяжёлой.

– Но...

Смотритель повернулся и вышел. Дверь за ним закрылась.

Асла сделала себе чай, разогрев чашку с водой в микроволновке, там же погрела бутерброды с сыром. Несколько оставила на утро. Почистила зубы, ещё раз умылась. Вытерлась полотенцем, принципиально не заостряя внимание на его краевой тесьме. Взяла ключ-карту и вышла в коридор.

Слева виднелся лифт. Лифт привёл бы её к Фортру с Орнубием. Или в Зал Собраний. Ни туда, ни туда идти у неё не было никакого желания. Асла посмотрела направо – три двери дальше по коридору, две выглядели так же, как и дверь в её комнату, только чище и новее, а одна, в самом конце, была обита железным листом. Сенсора, считывавшего ключ-карту, рядом с ней не было. Рут сказал, что карта подойдёт только к комнатам этого этажа, и имел он в виду комнаты Крама и Олероя, но он не сказал, что нельзя подходить к другим дверям. *Я только взгляну*, подумала Асла, неслышно

ступая по коридору. За дверьми её Игроков не раздавалось никаких звуков, да и что она ожидала услышать? Они заперты там в одиночестве и тишине.

Деревянная дверь, обитая железом, была закрыта, но неплотно. Не совсем понимая, что она делает и зачем, Асла поддалась искушению и уцепилась пальцами за чуть выступающую часть дерева. Дверь чуть-чуть поддалась. Асла подцепила её поудобнее и потянула на себя. Ещё чуть-чуть. И ещё.

Дверь приоткрылась. За ней было темно, а заходить внутрь Асла не собиралась. Мало ли, что там... Её туда не приглашали. Она распахнула дверь пошире, надеясь, что свет из коридора поможет ей хоть что-нибудь разглядеть, и освещение в комнате вдруг включилось. От неожиданности Асла вздрогнула и чуть не выронила ключ-карту.

Комната оказалась чем-то вроде маленького склада. Наваленные друг на друга коробки, провода, мешки. Предметы из Игры – треснувшая капсула пневмопочты, сломанные картинные рамы, сейф с отломанной дверцей, какая-то пирамидка, россыпь жетонов, кубик Рубика, застрявший на повороте грани, несколько ключей. Сбоку выглядывала магнитно-маркерная доска, повидавшая виды. Несколько поцарапанных и заляпанных чем-то браслетов. Цилиндрический контейнер, в котором им прислали Особое задание – убить Игрока другой команды. Асла ещё помнила, как металл этого цилиндра охлаждал ей руки. Она присмотрелась и увидела

на контейнере мелкую гравировку: «Ad libitum». «По желанию». И хотя надписи этой они тогда не заметили, потому что рассматривали не цилиндр, а пергамент с посланием, в нём их тоже предупредили – «по желанию». И они так и поступили. Флора, по крайней мере, точно. Она убила по собственному желанию, сама выбрала это. Как и многие другие. Они провалили все двенадцать Особых заданий.

Асла перевела взгляд выше. На полке стояла банка с краской, очевидно, люминофорной, валялись старые книги, коробка с переключателями-тумблерами.

И... револьвер.

Господи, подумала Асла. Его не было в Игре! Зачем он здесь?

Первым порывом было заскочить в комнату, схватить серебристый револьвер и... И что дальше? Что следовало бы сделать дальше?

Взгляд снова метнулся к надписи на цилиндре. «Ad libitum».

Они проверяют меня? Не схвачу ли я его и не попытаюсь ли сбежать? Или пристрелить кого-нибудь? Поэтому дверь и была не заперта!

Асла сглотнула и отступила назад. Захлопнула дверь.

Он наверняка не заряжен, но если бы я его взяла, это не имело бы значения. Это ловушка.

Она сердито повернулась и зашагала к двери одного из своих Игроков. Лицо у неё было злое, и сердце билось тоже

по-злобному. Она словно сунула руку в капкан, но в последний момент успела её отдёргнуть. Ловушка не захлопнулась, но могла бы. И зла Асла была не только на тех, кто поставил этот капкан, но и на себя. Следовало ожидать от Совета чего-то подобного.

Она постучала в дверь, но никто не ответил. Подождала, постучала ещё раз. Ничего. Асла зашла в комнату – та была пуста. Нет, там стояла кровать, стол тоже имелся, и в целом она оказалась улучшенной версией её комнаты, но ни Олероя, ни Крама в ней не было.

Странно, нахмурилась она. Вроде бы комнаты должны быть заперты снаружи? Куда же делся тот, кто должен здесь быть?

Она же не одна здесь, правда? Асла в панике метнулась к другой двери и постучала.

– Да? – донеслось из комнаты голосом Олероя.

Асла облегчённо выдохнула. Значит, он здесь.

И значит, пустовала комната Крама.

Ключ-карта пропустила её к психотерапевту.

– Наконец-то, милая! – воскликнул он. – Я знал, что ты не выдержишь одиночества в этой чёртовой коробке, – кивнул он на комнату. – Живая?

– Не уверена, – горько усмехнулась Асла. Олерой был прав – после Финала она не видела никого, кроме Рута, и невозможность выйти её угнетала больше, чем ей казалось. Она

поняла это только сейчас, глядя на психотерапевта и слушая его радостный голос. Похоже, ему тоже было здесь скучновато.

– Не уверена? – Олерой взял Аслу за руку и пальцами обхватил её запястье. Не пострадавшее от Фортра – другое. – Пульс есть, – довольно отметил он. – Значит, живая.

Асла улыбнулась.

– Почему ты не попросил выйти отсюда?

– Попросил? Да бога ради, не стоит оказываться у Совета в долгу, не известно, чем придётся отдавать, – отмахнулся Олерой. Потом, видя, как улыбка медленно сползает с её лица, добавил: – Да ты не волнуйся. Тебе они ничего не сделают, раз уж не сделали до сих пор.

– Крама нет в его комнате, – сказала Асла, отгоняя мысли о долге перед Советом и ключ-карте в её руке. – Не знаешь, где он может быть?

– Нет, – покачал головой Олерой. – Но вряд ли он где-то далеко. По крайней мере, дальше Зала Собраний он бы не ушёл. Ну, судя по тому, что нам сказали.

– Зайду к нему ещё позже, – ответила она, и прозвучало это слегка испуганно. Ей теперь везде чудился подвох. Скрытый смысл. Ожидание от них противоположных действий.

– Говорят, у тебя какая-то ущербная комната? – спросил Олерой.

– Да нормальная, – возразила Асла, – просто кое-чего не хватало. Ну и не такая новая.

– У меня есть конфеты. Хочешь конфет?

– Что? – удивилась она.

– Конфеты, – терпеливо повторил Олерой. – Ещё помнишь, что это? Или еда Паноптикума отбила у тебя представления о нормальных человеческих радостях? – рассмеялся он.

– Хочу, – машинально кивнула Асла. Ей внезапно стало трудно вдохнуть. Она опустилась на кровать и обнаружила, что выдохнуть ей тоже трудно. К счастью, пока психотерапевт доставал коробку конфет, Асла пришла в норму. Но, господи, ей стало страшно. Дело было не в конфетах. А в Олерое. Дело было именно в нём.

– Держи, – протянул он ей открытую коробку. – Насчёт начинок ничего сказать не могу.

Асла вытащила одну из конфет, развернула фольгу фантика.

– Рут ещё ничего не говорил тебе о Синтезисе?

Она мотнула головой, жуя шоколад. Взглядом спросила Олероя о том же.

– Нет, – отозвался он. – Видимо, информацией нас всех удостоят только завтра.

– Ты *точно* ничего не знаешь?

– Я, конечно, был не совсем обычным Игроком, – спокойно сказал психотерапевт, – но к Синтезису я не имею никакого отношения и ничего о планах Совета по этому поводу не знаю. Правда.

Ну да, уныло подумала Асла, понимая, что верить Олерою больше не может. Не после всего этого. Но выбора у неё особого не было.

– Это ведь Фортр был против того, чтобы вытащить меня из чёрной комнаты? – спросила она, и так зная ответ.

– Он. Но в чём-то его можно было понять. Хотя именно в нашем случае он бы непоправимо ошибся.

– А когда я вытянула жребий, ты же знал, что меня ждёт? Знал, что это безнадёжная трата времени, потому что двух браслетов у нас нет?

– Да, тогда знал. А в Первой Игре ещё не знал. Хотя определённый подвох от Совета ждал, и, как оказалось, не зря. В любом случае, идея отправлять одиночку в непроверенную комнату изначально отдавала чем-то нехорошим.

– Рут сказал, меня отправили в чёрную комнату в Третьей Игре. Значит, тогда решали не по жребии?

– Нет. Голосованием.

– А в Первой?

– И в Первой тоже.

– Кого там выбрали?

– Хотели тебя, но... передумали.

Асла снова вспомнила, как Олерой оттаскивал от неё Фортра. И... кого-то ещё.

– Почему?

– Почему? Ну... – он чуть замялся, – нашли более подходящего кандидата. Из сорок девятого.

Олерой опустил глаза на коробку, выбирая конфету.

– Это ты им не позволил отправить меня? – с замиранием сердца спросила Асла.

– Да, – помолчав, ответил он. И улыбнулся. – Хотя это оказалось неважно.

«Но почему?» – завертелся у неё в голове вопрос, смешиваясь с полутонами обрывочных воспоминаний. Тогда, на Первой Игре, она чем-то заслужила весьма недоброжелательное к себе отношение. И тогда же... Он её защитил? Да, теперь она была уверена. Не вспомнила – почувствовала.

Олерой смял фантики в один блестящий комочек, метко бросил его в мусорную корзину и повернулся к ней. Асла посмотрела в его серо-зелёные глаза, вспомнила, как он помог ей справиться с приступом в Белой комнате, как он только что считал её пульс... И словно получила под дых. Она замерла. Забыла про револьвер, про Фортра, про предстоящие задания. Совет не мог полностью стереть то, чего не знал. И... видимо, любовь.

По крайней мере, то, что может в неё превратиться.

– Всё в порядке? – спросил психотерапевт, глядя на своего Инсайта. Что-то в ней изменилось.

– Ты... – Асла запнулась, раздумывая, стоит ли вообще это говорить, но на самом-то деле раздумывать было уже поздно. К тому же неизвестно, что ждёт их дальше. И потом, ну не так уж это и сложно, правда? Надо покончить с этим и всё выяснить. Она набрала в лёгкие побольше воздуха и

сказала – как в воду нырнула:

– Ты мне нравишься.

Олерой улыбнулся.

– Я знаю, милая. Ты для меня открытая книга. Но очень интересная, – добавил он, увидев, как Асла изменилась в лице.

– Понятно, – сказала та, не зная, что ещё сказать.

– Ты хороший Инсайт.

– Нет, – сказала Асла. – Нет. Потому что... Потому что это тоже отчасти повлияло на моё решение в Финале.

– То, что я, так сказать, не вызываю у тебя отвращение?

– Да, так сказать, – кивнула Асла, чувствуя себя до невозможности глупо.

– Но ведь решение-то неплохое, а?

– Не знаю. Но в любом случае мои личные симпатии не должны были ни на что влиять.

– Ну что сейчас себя корить, да? Уже всё равно не важно, – сказал Олерой. – Но, если тебя это утешит, я буду рад проходить новый этап с тобой.

– Ладно, забудь, то, что я сказала.

– Ты могла бы и не говорить, милая, – отозвался психотерапевт. – Это было понятно. Ну, мне, по крайней мере.

– Хорошо, – сказала Асла. – Вот и поговорили.

– Ну что ты хочешь, чтобы я сказал? – спросил её Олерой.

– Не знаю. Что-нибудь. Или ничего. Господи, всё, забудь! – Асла уже пожалела, что вообще открыла рот. Сейчас

она выглядела как идиотка, а не как Инсайт, прошедший Игру (*двенадцать Игр*).

– Нет, кое-что я всё-таки скажу. Ты самый нормальный человек, которого я встречал в Играх. Ты правда приятная. Ну, в смысле, мне было приятно с тобой играть. Так вот давай я скажу тебе то, что ты и так знаешь. Я убийца. Я работаю на Наблюдательный Совет. Я порекомендовал тебя в Инсайты. Что ты во мне нашла? Любишь плохих парней?

Асла промолчала.

– Ложь, манипулирование, иногда предательства – привычная для меня среда, – продолжил Олерой. – Как правильно заметил наш друг Орнубий, для меня нет ничего святого. Ну, если обобщить. Я такой и буду таким всегда, понимаешь? Что ты хочешь? Изменить меня? Направить на путь истинный? Милая, у нас с тобой нет шансов, – мягко сказал он.

– Нет, – покачала головой Асла. – Нет, ты прав, конечно.

– Ну вот видишь, – Олерой слегка расслабился. Хоть этого и не было видно, разговор для него не был таким уж приятным. Ему не хотелось обижать Аслу, но это было необходимо.

– Конечно, ты прав, – продолжила Асла. – Я всё это знаю. Я обо всём этом думала. Но ты так говоришь сейчас – а что было на Первой Игре?

– Ты помнишь Первую Игру? – удивился Олерой.

– Помню... кое-что, – ответила Асла. – Не совсем уверена, но помню ощущение... В общем... – она не могла подобрать

слов, за что проклинала себя, но надеялась, что Олерой и так её поймёт. – В общем, на Первой Игре что-то происходило, да?

– Ты о чём?

– Ну... – Асла поводила рукой в воздухе, – ...между нами?

– Ах, это, – Олерой поднял бровь и задумался. Потом сказал: – Ну да, мы с тобой неплохо поладили.

– Что это значит? – вскинулась Асла.

– Ничего особенного, – психотерапевт подтолкнул её к выходу. – Тебе пора.

– Но...

– Давай-давай, у нас всё же расписание. Если хочешь, поговорим позже.

Асла посмотрела на него и упорствовать не стала. Она молча вышла из комнаты, а когда дверь за ней закрылась, Олерой прислонился к стене и пробормотал:

– Проклятье.

Глава IV. Положение

Олерой был прав. Расписание у каждого из них действительно имелось. И было оно следующим:

Рекреационный день № 1

Отдых в комнатах

Свободное время

23:55 Отбой

Рекреационный день № 2

19:00 Подписание Положения (Смотритель)

Свободное время

23:55 Отбой

День № 3

09:00 Инструктаж (Зал Собраний)

С и н т е з и с

Орнубий посмотрел на часы – скоро должен был появиться Рут. Солнце садилось, и сквозь маленькое окно на пол комнаты падал оранжевый отсвет. Орнубий сидел на кровати и держал в руках прозрачную ключ-карту. Смотритель не солгал Асле – на тот момент она действительно была единственной с такой вещью. Но потом Орнубий решил поговорить с адвокатом. Обсудить, что вообще произошло и что

им делать. Рут на этот счёт не распространялся, а идти к Игрокам из пятидесят первого, получившим именно то, чего они хотели, смысла не было. Смотритель вручил ему ключ, и Орнубий с Фортром впервые переговорили после Финала. Какими бы ни были чувства Инсайта к адвокату, Олерой был прав – к концу Игры они с Фортром немного притёрлись. И ещё больше – после Финала. Всё-таки они были заодно. Они были из одного поселения, были вместе с самого начала Игры, хотели одного и не получили этого. Поэтому всё ещё находились в Паноптикуме, вместо того чтобы вернуться домой. И хотя адвокат выражал скептицизм по отношению к тому, что Орнубий входил в Наблюдательный Совет, и при каждом удобном и неудобном случае упоминал это, он убедился, что с Синтезисом Орнубий связан не был. По крайней мере, сам Инсайт точно был в этом убеждён, а в условиях Паноптикума это почти одно и то же.

Фортр, конечно, рвал и метал, но за ночь немного поостыл, а к вечеру второго дня остыл ещё больше. Особенно пообщавшись со своим Инсайтом и выплеснув на него всё своё негодование. Из комнаты Фортр не выходил, чтобы не встретить ненароком кого-нибудь из пятидесят первого, особенно – Аслу. Поостыть-то поостыл, но это было временно и, скорее, от усталости.

Пока адвокат изливал на него свой гнев, Орнубий слушал его и думал об Асле. Почему она так поступила с ними? Почему выбрала то, что выбрала, хотя и он, и адвокат приводи-

ли ей веские доводы? Доводы её Игроков перевесили? Или всё-таки перевесило просто то, что они её Игроки? Фортр распалялся всё больше, а Орнубий смотрел на него и вдруг подумал, что нашёл ответ. Он не одобрял выбор Аслы, сам бы он решил по-другому. Он был не согласен с её решением, но он мог его понять. Одиннадцать раз терять память – кто после этого захочет пройти через это снова? В чём-то она была права. Фортр не проходил через это, и поэтому пропустить её решение через себя до конца не сможет. Орнубий – мог. И если он входил в Наблюдательный Совет, а в итоге оказался заброшенным в Игру, доверять Совету он, понятно, не мог. Так же, как и Асла.

Может, она была права?

Может, верного выбора не было вообще, а она лишь решилась за всех них на меньшее зло. Раз уж половина из них была не столь решительной.

– Вы что, издеваетесь? – воскликнул Фортр, опередив Орнубия.

Трое – Инсайт, Игрок и Смотритель – стояли в рекреационной комнате, которую занимал адвокат. Рут перекинулся с ними парой слов, после чего вручил по экземпляру Положения.

– Никаких особенных правил нет, потому что предстоящий этап – экспериментальный. Первый в своём роде. Правила и тонкости появляются после эксперимента и с учётом

его результатов. Но есть Положение о Синтезисе, которое вы должны прочесть и подписать.

На плотной белой бумаге буквы строгого шрифта складывались в бесстрастные строки:

Положение о Синтезисе

Синтезис – экспериментальный этап, в случае успешной апробации являющийся продолжением Делектуса.

Успешным прохождением Синтезиса является переход к его финальной локации.

Переход к финальной локации Синтезиса осуществляется путём выполнения заданий, требующих от Игроков тех или иных усилий.

Переход сопровождается использованием Игроками тех или иных артефактов.

Примечание – на прохождение этапа Синтезис отводится определённое время. В случае невыполнения задания в рамках отведённого времени конкретной локации весь этап считается проваленным.

Адвокат пробежал глазами Положение и усмехнулся.

– Вы его что, на коленке сочиняли?

Орнубий, мало понимающий в этих делах, просто прочёл пункты Положения и, судя по его лицу, не обрадовался.

– Мда, – сказал Фортр.

Рут улыбнулся. Адвокат был прав. Эти не говорящие аб-

солютно ничего конкретного, но вместе с тем обрисовывающие общие черты формулировки придумал сам Рут. Никакого Положения у Совета не было, потому что не было надежды на прохождение командой Игры и на то, что Синтезис будет опробован так быстро. Поэтому Смотрителю поручили быстро исправить этот маленький недочёт. При этом условия прохождения, которые им, скорее всего, не понравятся, они узнают непосредственно перед началом этапа. Так решил Совет. И, учитывая, что это за условия, он был прав. Не стоит давать им время на осознание. Чёрт, да после того, что он видел, Рут был вовсе не уверен, что хочет объявлять им эти условия. Поэтому он и сам был не против оттянуть этот момент поближе к самому Синтезису. Завтра они всё узнают и сразу же отправятся в прохождение, других вариантов у них не будет.

– Не буду я это подписывать, – заявил Фортр.

– У вас нет выбора, – возразил Рут.

– Это что, угроза? – удивился адвокат.

– Боже упаси, – отозвался Смотритель. – И всё же я настоятельно советую вам это подписать.

– Иначе что?

– Подумайте.

Адвокат опешил.

– Теперь-то это точно звучит как угроза, – сказал он.

– Соглашения, – догадался Орнубий. – Чёрт.

– Соглашения? Соглашения Аппликантов?

Смотритель кивнул.

– Чёрт возьми, – пробормотал Фортр. Он вспомнил. – Говорить, что это незаконно, видимо, бесполезно?

– Мы же не подделываем вашу подпись, – пожал плечами Рут, – а лишь копируем её с Соглашений Аппликантов на Положение о Синтезисе. Вы уже дали нам образец, причём добровольно.

– Добровольно, как же, – пробормотал Фортр. – То есть копирование у нас теперь не подделывание?

– Скажем так: при необходимости вы вряд ли сможете доказать, что это не вы поставили подпись. Это главное.

– Классные у вас там ребята в Совете, – похлопал Фортр Орнубия по плечу. – Просто молодцы.

Орнубий нахмурился.

– Если вы всё равно поставите нашу подпись, зачем ты здесь?

– Ну, сначала мы делаем всё по правилам, – ответил Рут.

– А потом эти правила обходите, – кивнул Фортр. – Славно, славно. Ничего я подписывать не буду. Катитесь к чёрту.

– А ты? – повернулся Смотритель к Орнубию, ничуть не удивившись.

– Нет, – ответил Орнубий. Ничего другого ему не оставалось.

– Ну и ладно, – вздохнул Рут. – Я хотя бы попытался.

– Это всё, что ты можешь сказать? – разозлился Фортр.

– Завтра на Инструктаже скажу больше.

– Что будет после того, как мы пройдем Синтезис? – спросил Орнубий.

– Вы сначала его пройдите, – уклончиво ответил Рут. И решил ничего не добавлять.

– Олерой подписал? – поразились Асла. Рут с Положением дошел и до неё.

– Ну, закорючку поставил, хотя, полагаю, она мало смахивает на его настоящую подпись и на его подпись Соглашения Аппликантов. Чёрт знает, что у него на уме, но он даже не сопротивлялся, в отличие от ваших верхних соседей.

– Орнубия и Фортра?

Рут кивнул.

– Не подписали?

– Нет. Но я им сказал то же, что и тебе, так что это уже было делом принципа.

– Ты про копирование?

– Ага, – Рут шмыгнул носом. Он выглядел уставшим.

– А Крам? – спросила Асла.

В первый день, после Финала, она не выходила из своей рекреации, а на второй, сегодня, она так и не застала химика в его комнате – ни до разговора с Олероем, ни после. А увидеть его ей очень хотелось. Убедиться, что с ним всё в порядке.

– Что Крам? – прищурился Смотритель.

– Подписал? Он у себя вообще? Я его не нашла.

– М-м, нет, он не подписал и он не у себя. Ему утром стало не по себе, мы обеспечили ему врачебный осмотр. Похоже, его лёгким не понравилась резкая смена воздуха Паноптикума, к которым они уже привыкли, на воздух обычный. Да и еду, кажется, желудок не одобрил.

– Где он? – воскликнула Асла. Паники в её голосе не было. Пока.

– В медпункте, этажом ниже. Недалеко от Зала Собраний.

– К нему можно?

– Нет, – мотнул головой Смотритель. – Не стоит.

– Почему? Я же...

– Слушай, не стоит. С ним всё в порядке будет. Я не хочу, чтобы вы разгуливали по зданию. Меня за это не похвалят. Он придёт в себя, вернётся в комнату, и тогда пообщаетесь. Не волнуйся.

Асла задумалась, взвешивая его слова.

– Поверь мне.

– Ладно, – сдалась она. По крайней мере, сделала вид.

– Так подписывать будешь?

– Ладно, – повторила Асла.

Напротив строки «С пунктами Положения ознакомлен и согласен принять участие в Синтезисе» она поставила витиеватую закорючку, решив последовать примеру Олероя. Наверное, он знал, что делал. В любом случае, так они будут заодно. Ну, в каком-то смысле.

– Хорошо, – отозвался Рут. – Тогда... До завтра.

– А... – начала она, но Смотритель улыбнулся:

– На сегодня мы закончили. Увидимся на Инструктаже.
И Рут ушёл.

Буквально через пару минут Асла вышла из комнаты и направилась к лифту. Хотела спуститься вниз и поискать медпункт. Однако лифт не работал. Лестницы она тоже не нашла. *Заблокировали специально?* – подумала она. *Чтобы, как сказал Рут, мы не разбредались по зданию?* Асла ещё потыкала кнопку вызова лифта, но это ни к чему не привело. К Орнубию она тоже не могла бы попасть, если бы захотела.

Асла снова зашла в комнату Крама – химик не появился. *Интересно, как он поднимется, если лифт не работает?* Наверное, это временные неполадки, успокоила себя она, но знала, что делает это лишь от беспомощности.

Вариантов было два: вернуться к себе и погрузиться в раздумья о химике, Синтезисе, расплывчатом Положении, ещё более расплывчатых, но постоянно мучавших её полувоспоминаниях... Или переключиться на единственную живую душу, доступную ей сейчас.

К тому же она видела в его холодильнике кое-что, чего не было в её.

– Жаль, не дали бокалов. Наверное, это было бы слишком торжественно, а праздновать нам пока нечего. Ну, кроме того, что мы всё ещё живы.

Они сидели на кровати – Олерой налил Асле в чашку, которую она принесла с собой, красного вина, взял свою.

– За то, чтобы так и оставалось, – провозгласил он, и чашки звякнули друг о друга.

Асла выпила вино до дна и поняла, что хочет немедленно допить до дна и всю бутылку. Но решила повременить.

– Почему у тебя было вино, а у меня – нет? – спросила она. Олерой рассмеялся.

– Не было у меня ничего. Но я убедил Рута, что оно мне просто необходимо. В лечебных целях. Рут вообще парень стговорчивый.

– Хорошая идея, – задумчиво проговорила Асла. Надо было ей тоже что-то попросить. Чего бы ей хотелось? Она вспомнила про коробку конфет. Их у неё тоже не было. Что тут скажешь, не подготовленная ей досталась комната. Конфеты... Теперь вино... В следующий её визит надо зажечь свечи для полноты картины. Асла вспыхнула. Господи, о чём она вообще думает!

– Так, говоришь, нашего химика подлечивают? – с сомнением спросил Олерой. – Надеюсь, он там живой.

– Конечно, живой, – повела плечом Асла. – Он же нужен им. Мы все нужны. Для прохождения Синтезиса. Они просто... Просто дадут ему что-нибудь.

– Для этого нужно совсем немного времени, а ты говоришь, он так и не появился, – возразил психотерапевт.

– Может, его оставили для наблюдения, – предположила

Асла. – Мне очень не нравится, что его нет, но даже представить не могу, почему он может быть в опасности. Он нужен. Он даже голосовал за Синтезис! Думаю, он вернётся, как только ему станет лучше. И даже хорошо, что за ним там присматривают, а не бросили мучиться в своей комнатке.

После этой тирады Асла плеснула себе в чашку ещё вина и, поборов искушение залпом её осушить, сделала глоток.

– Надеюсь, ты права, – отозвался Олерой и тоже налил себе. – По расписанию у нас сейчас свободное время. Ироничное название, да? Свободное. Учитывая, где мы и в каких условиях.

– Да уж, – кивнула Асла и сделала ещё глоток.

– Свободное настолько, что мы теперь даже лифтом воспользоваться не можем. Хорошо хоть карту у тебя не отобрали. Мне вот Рут не выдал, сказал, что а) надо было просить раньше, б) он решил выдавать по одной карте на этаж.

Асла поставила пустую чашку на столик. Ужасно хотелось забраться с ногами на кровать Олероя, завернуться в одеяло, заснуть и проснуться уже дома.

Мечтать вредно.

Олерой уставился на столик, где, кроме её чашки, стояло несколько грязных тарелок и валялась открытка-расписание. Он словно обдумывал что-то важное. Расписание, расписание... Свободное время... Отбой... Инструктаж... Ответы на вопросы в расписание не входили, но Аслу это уже не волновало.

– Ты сказал: «Поговорим позже», – услышал Олерой.

Вздыхнул, не поднимая головы и не поворачиваясь.

– Позже – значит, позже, – сделал попытку он.

– Потом может быть уже слишком поздно, – просто сказала Асла.

– Ну да, ну да, – пробормотал психотерапевт, соображая, что ему делать. Вернее, что говорить ей. Он пытался продумать заранее, но не успел.

Асле захотелось сунуть ему под нос полотенце с тесьмой и потребовать объяснений, но она понимала, как бы это выглядело. Может, они и не связаны. И хотя она считала обратное, никаких доказательств у неё пока не было – и никаких конкретных воспоминаний. И вино не очень помогло.

– Как именно мы с тобой, выражаясь твоим языком, «поладили» на Первой Игре?

Олерой встал, подошёл к стене напротив Аслы, прислонился спиной к серой поверхности. Игрок и Инсайт оказались друг против друга. Асла посмотрела на него снизу вверх и стала ждать ответа.

– Ну ладно. Кое-что между нами было, – Олерой увидел её реакцию и быстро добавил: – Кое-что *могло бы* быть, но, милая, это не имело никаких шансов. Любовь в Игре – затея безнадежная. К тому же потом я узнал, что у тебя ещё Игры впереди. Правда, того, что ещё с тобой встречу, я не знал. Не знал, что ты дойдёшь до Двенадцатой. Но рад этому.

Асла помолчала, вникая в его слова. Вроде бы всё сходи-

лось. И всё равно он почти ничего не сказал. Хотя главное она уже услышала. И поэтому ответила:

– Но мы больше не в Игре.

– В смысле? – удивился Олерой.

– Игра закончена. *Мы* прошли её. Теперь нас ждёт Синтезис. Это ведь совсем другое дело, верно?

Олерой вздохнул.

– Другое дело? Думаю, Синтезис по сути не сильно будет отличаться от Игры.

– Ты меня понял.

– Ну же, милая! – всплеснул руками психотерапевт. – Не надо. Во мне просто нет гена, отвечающего за способность любить.

– Такого гена не существует, – упрямо сказала Асла.

– Ты меня поняла.

Асла промолчала. Почему она продолжала упорствовать? Что толкало её на это?

– Я убийца, – снова сказал ей Олерой.

Как будто это что-то меняло.

– Я тоже, – ответила Асла.

Психотерапевт вздохнул.

– Винишь себя за Скиптия? Это не...

– Нет, я не про него.

– Нет? – удивился Олерой.

– Нет.

Он помолчал. Асла тоже.

– Расспрашивать не буду, – сказал он наконец. – Но, думаю, у тебя просто не было другого выхода.

– Был, – неожиданно отрезала Асла. – Был, так что не надо меня оправдывать.

– Я и не оправдываю, милая.

– Я ничем не лучше тебя.

– А вот тут ты ошибаешься, – возразил Олерой. – Уж поверь мне.

Асла покачала головой.

– Ты просто не знаешь, что я сделала.

– Зато я знаю, что делал я. И что могу сделать снова.

– Что? Снова убить?

Олерой пожал плечами.

– В этом мы тоже совпадаем.

– О, нет, – рассмеялся психотерапевт. – Нет. Не знаю, что там у тебя произошло, но ты все Игры была против убийств и отговаривала других. Так что не надо мне тут заливать. Ты нормальный человек и ты против убийств.

– Уже нет, – ответила Асла, не уточняя, на какую часть фразы.

Раздался лёгкое гудение – предвестник отбоя. Пора было расходиться по комнатам. Наутро их ждал Синтезис.

– Жаль, что ты не была моей пациенткой, – помолчав, сказал Олерой.

– Что это значит?

– Это значит – жаль, что мы не встретились раньше. До

Игры.

Асла помедлила, обдумывая его слова, хотя обдумывать-то там было нечего, и ответила:

– Мне тоже.

Глава V. Лифт

Голова была свежей и отдохнувшей, словно вчерашнее вино выплеснуло из неё все лишние мысли, страхи, сомнения. Удивительно. Завершив вчерашний разговор с Олероем, Асла, не говоря больше ни слова, забрала бутылку с остатками вина в свою комнату, где её и прикончила, не заботясь об утренних последствиях. Такой лёгкости наутро она не ожидала.

Асла позавтракала, привела себя в порядок, попыталась морально подготовиться. Через двадцать минут начинался Инструктаж. Всем им предстояло вновь объединиться. «Что ж, мы теперь идём комплектом?» – вспомнила она возмущение адвоката в конце Игры. Комплектом, командой, единым целым. Им предстоит перешагнуть через всё, чтобы только добиться взаимопонимания, сотрудничества, действовать, как единый механизм. Ведь именно этого от них хотел Совет. Что ж, они научились на своих ошибках. Хотя это дорогого стоило.

Но теперь-то они знают, что делать.

Вчера, отвлѣкшись на вино и психотерапевта, Асла чуть не забыла про химика. Но когда решила всё-таки проверить, не появился ли он, ключ-карта не сработала. Свет ещё горел, но выйти из комнаты она уже не могла. Гудение было тихим,

но настойчивым. Вот же сволочи. Она надеялась, что химика не загубили в медпункте и что он уже в своей комнате. И что завтра они увидятся на Инструктаже. Асла думала, что от тревоги не сможет заснуть, однако провалилась в сон раньше, чем её голова коснулась прохладной подушки.

Теперь же она была готова выйти навстречу Синтезису, Фортру, Орнубию и всему, что могло их поджидать. Но не одна. Одна она не готова была спускаться в Зал Собраний. Асла хотела отправиться на Инструктаж со своими Игроками. Но ни Олероя, ни Крама в их комнатах не оказалось. Видимо, они уже спустились вниз.

Жаль, что не подождали её. Но хотя бы в Зале будут свои, когда она туда войдёт.

Асла дошла до лифта и нажала на кнопку вызова. Интересно, Орнубий с Фортром тоже уже там? У них было ещё немного времени до начала.

Лифт приехал на её этаж и звякнул. Двери разъехались. В лифте стоял Фортр.

Первым инстинктивным желанием Аслы было сделать шаг назад, но она устояла на месте. Фортр улыбнулся, и в улыбке его было что-то хищническое. Асла попыталась убедить себя, что ей это померещилось.

– Неужто на Инструктаж? – спросил адвокат.

Асла хотела кивнуть, но подумала, что это будет выглядеть глупо. Что бы она ни сделала, выглядело бы глупо. Глупым поражением. Кроме одного.

Скрепя сердце, Асла шагнула в лифт.

Фортр нажал на кнопку, и они поехали вниз. Флюиды ненависти смешались с флюидами страха. Это буквально ощущалось кожей.

– Боишься? – наклонился к ней адвокат.

Асла не ответила. Что можно было ответить на такой вопрос?

– Это правильно, – кивнул он, и по её спине пробежал холодок. – Правильно.

До Зала Собраний они доехали молча. И в целости и сохранности. Асла с облегчением перевела дух, увидев Олероя, сидевшего на краю сцены и свесившего с неё ноги. В руке у него был белый бумажный стаканчик. Орнубий сидел в первом ряду, скрестив руки на груди. Вид у него был хмурый. Он повернулся, увидел Фортра, задержал взгляд на ней, отвернулся. Асла быстро направилась к Олерою, адвокат подошёл к Орнубию и уселся рядом с ним. Что бы там между ними ни происходило, сейчас они были заодно. Заодно – против них. Против Синтезиса. И её выбора. Но совсем скоро это перестанет иметь значение – они снова должны будут превратиться в слаженную команду, хотя бы они этого или нет.

– Химика нет, – сказал Олерой вместо приветствия.

– Вижу. В комнате его тоже нет, – отозвалась Асла и села в кресло напротив него. Олерой остался сидеть на сцене лицом к ней.

– Плохо.

Она кивнула. Плохо.

Недалеко стоял симпатичный прозрачный кулер с водой. Ещё увидев стаканчик у Олероя, Асла поняла, что не прочь попить – от нервов её всегда мучила жажда. Только она собралась встать, как Орнубий подошёл к кулеру и стал наливать себе воду. Встать сразу расхотелось.

– Ты уверен, что хочешь это пить? – пробормотал Фортр, недоверчиво глядя на стакан в руке Инсайта. – Может, это какая-нибудь отравка.

Услышав это, Асла вскинула глаза на Олероя, выпившего свой стакан. Тот лишь усмехнулся.

– Вода как вода, – сказал он ей. – Вряд ли нас стали бы травить прямо перед началом развлечения. Кто-то немного параноик. К тому же, – добавил он, глядя на Фортра, – Орнубий уже пил её.

– Ну удачи, – пожал плечами Фортр, внося дополнительную нотку напряжённости в их маленькое сообщество.

Орнубий, который решил не пить второй стакан (а ведь вода была действительно вкусная, свежая и прохладная и отлично успокаивала нервы), и Фортр, который проклинал пересоленный сыр на своём утреннем горячем бутерброде, о чём-то переговаривались, поглядывая то на Аслу с Олероем, то на часы над сценой. Инструктаж должен был начаться через пять минут.

– Кажется, кого-то не хватает, – заметил адвокат. – Где же

ваш химик? Который больше всех кричал о продолжении?

– Уже соскучился? – поинтересовался Олерой, метко отправив пустой стаканчик в урну рядом с кулером.

Фортр смерил психотерапевта взглядом, выражающим снисхождение к его пытающимся быть остроумными репликам, и посмотрел на Аслу. Было видно, что ей неудобно. Неудобно в одном помещении с ним. С Орнубием. И ещё без своего Игрока. Фортр снова улыбнулся ей, на сей раз вроде бы по-простому, без намёков и угроз в этой своей улыбке, но Асле захотелось провалиться сквозь землю. Что-то она не могла припомнить, чтобы адвокат улыбался ей на Игре. Похоже, новый этап будет гораздо тяжелее, чем она думала. Он не перестанет. Она знала – не перестанет.

Орнубий барабанил пальцами по подлокотнику кресла и не переставал думать о Наблюдательном Совете. Он так и не вспомнил, за что оказался в Игре, так и не вспомнил ничего о Синтезисе, что могло бы им помочь, – возможно, ничего и не знал о нём. Но мысль о том, что за ним, как за лабораторной крысой, всё время наблюдают люди, с которыми он работал и которыми даже, исходя из его должности, командовал, была невыносима. Нет, что бы ни случилось, он должен выбраться из Паноптикума. Любой ценой. Он надеялся, что остальные настроены так же. Вместе они пройдут этот чёртов этап, и Совет ещё удивится. Обязательно.

Олерой смотрел на лицо Инсайта от сорок девятого, всё ещё хмурое, но теперь с оттенком какого-то упрямства и ре-

шимости, и размышлял о том, насколько он поддерживает Фортра. Несомненно, они теперь спелись, эти однопоселенцы, но Орнубий был флегматичнее адвоката, и потому мог размышлять более трезво. Наверняка умом он понимал, что логичнее всего было оставить все разногласия хотя бы на время Синтезиса, поэтому сидел и помалкивал, даже никак не прокомментировав появление Аслы. Да и адвокат, несомненно, это понимал, но вряд ли очень этому радовался. Пока Фортр с Аслой не спустились в Зал Собраний, психотерапевт перекинулся с Орнубием парой слов. Тот держался не агрессивно, но недоброжелательно, хотя и пытался скрыть это за слегка апатичным поведением. Не мог простить ему Флору. Эту милую малышку, которая убила Скиптия, более чем заслужив честь принести команде 51 дополнительные баллы. Нет, какой бы апатией ни прикрывался Орнубий, разговаривать с убийцей флористки (*убийца! какой кошмар!*) ему явно доставляло мало удовольствия. Хотя в убийстве нет ничего противоестественного, Инсайт явно считал себя святым, а его – бездушным злодеем, что было в корне неверно. Потому что крайностей не существует. Ну да ладно, хотя бы он не цеплялся к Асле, что уже неплохо.

«Дзинь!» – это лифт прибыл на этаж Зала Собраний, и все как по команде повернулись к нему.

Двери лифта разъехались. За ними стоял Рут, оказавшийся под прицелом четырёх пар глаз.

Асла с Орнубием напряглись. Асла – потому что это был

не химик. Орнубий – потому что сейчас снова всё начнётся. Олерой не напрягся, но с подозрением прищурился. Все трое выглядели настороженными и абсолютно не готовыми к каким-либо инструктажам и играм.

Фортр посмотрел на них и сконцентрировал весь свой сарказм в вопросе:

– Ну что, готовы объединиться во имя великой цели возвращения домой?

Глава VI. Синтезис

– Да-да, – сказал Рут. – Объединиться действительно придётся.

– Какая неожиданность, – фыркнул Олерой.

Кое-что неожиданное для вас всё же будет, подумал Смотритель.

Теперь уже все четверо сидели на сцене, свесив ноги. Садиться в кресла, в которых они выслушивали правила Игры, никому не хотелось. Одеты все были однотипно, словно Совет хотел подчеркнуть: все равны, все одна команда, все одинаково важны. По крайней мере, они решили именно так. Именно так объяснили себе лаконичность своей новой одежды: белые футболки (от которых Инсайты отказались в Делектусе), чёрные джинсы, белые кеды. Строгий монохром.

Четыре пары глаз уставились на Рута, отчего ему стало совсем неудобно. Не то чтобы ему до этого было уютно, но... Опять он скажет не то, что они хотят услышать. Такая уж у него работа.

Чёртова работа, которая скоро закончится.

– Ну что ж, – Рут встал в проходе между креслами, точно напротив них, вызываясь сидящих на сцене. Сидящих так, словно теперь они были уверены в том, что смогут выиграть. Словно теперь они знали секрет. Пора их в этом разубедить.

– А где Крам? – спросила Асла. – С ним ведь всё в порядке?

– О, – Рут взглянул на планшет, который взял только затем, чтобы занять чем-то руки. – Да-да. Так вот...

– Что «да-да»? Где...

Жестом Рут оборвал вопрос Аслы, давая понять, что сейчас не время расспрашивать.

– Как мы и говорили, – начал он инструктаж, – предполагалось, что в Белой комнате вы выберете двоих убийц, но так уж получилось, что выбирать вам пришлось одного. Это немного нарушило план Совета. По идее, здесь вас должно было быть четверо – половина от вашего изначального состава. Двое покинули бы Игру в Комнате отдыха, и двое – в Белой. Но вас добралось пятеро, а это не совсем вяжется с идеей Синтезиса. Поэтому одного из вас решено было исключить из нового этапа.

Асла похолодела. Крама всё ещё не было.

Рут продолжил:

– При выборе Совет руководствовался следующими критериями: исключённый Игрок не должен быть Инсайтом, и при идеальном раскладе в Синтезисе количество Игроков из разных поселений должно быть равным.

Значит, Олерой или Крам, с тревогой подумала Асла.

– Олерой, как вы знаете, в Игре не совсем случайно...

– Это мягко говоря, – скривился Фортр.

– ...так что Совет решил отпустить Крама, потому что он

ни с чем и ни с кем не связан.

– Отпустить? – поразила Асла.

Рут кивнул.

– Отпустить, ага. Сомневаюсь, что он ещё жив, – сказал Фортр.

У Аслы по плечам побежали мурашки. Олерой придвинулся ближе к ней.

Рут подумал немного, посмотрел на них, подумал ещё. Что он должен сказать? Что они хотят услышать? Во что они поверят? Это вообще имеет значение? Рут вздохнул и ответил:

– Ещё жив.

Фортр фыркнул, всем видом выражая недоверие к сказанному.

– Ты уверен? – спросил Орнубий.

– Я ответил на ваш вопрос. Пора рассказать о правилах Синтезиса.

Их терзали сомнения. Жив химик или нет? *Надеюсь, что да*, думали Асла и Олерой. *Чёрт, неужели они просто его отпустили? Или...* хмурился Орнубий. *Конечно, нет, его давно убили*, был уверен Фортр. И ещё он был уверен в том, что не хочет стать следующим.

– Итак, Синтезис, – сказал Рут. – Как вы, наверное, понимаете, Синтезис означает сближение и соединение.

– Да уж, мы тут близки как никто и соединены в прекрасную слаженную команду, – съязвил Фортр. Потом со злостью

посмотрел на Аслу и добавил: – Снова.

Она опустила глаза. Адвокат немного успокоился, но в нём ещё плескалась тихая ярость, которая будет постоянно выплёскиваться, пока он окончательно не сорвётся, стоит ей сделать или сказать что-нибудь не так. Надо держаться ближе к Олерою. Ей очень хотелось бы, чтобы с ними был Крам. Или хотя бы чтобы с химиком действительно всё было в порядке. Но сейчас у неё остался только Олерой. На поддержку Орнубия особенно рассчитывать не приходилось. А с Олероем у них оказалось больше общего, чем она думала. И с этим тоже надо будет разобраться.

– Не совсем, – улыбнулся Рут. – В Синтезисе имеется в виду другое сближение и соединение. Не всех вас, а типажей поселений. Противоположных сторон. Противоположных взглядов.

– Что? – не понял Орнубий. Хотя понял, но не захотел это осознавать.

– Уверен, вы собирались действовать сообща и сотрудничать, потому что научились на своих ошибках, – ответил Рут. И добавил: – Хотя это дорогого стоило.

Ответом ему была тишина. Два Инсайта и два Игрока смотрели на него, не отрываясь, ловили каждое его слово. Но уже понимали, к чему всё идёт. Совет всегда будет на шаг впереди вне зависимости от их планов. Это они поняли особенно ясно.

– Однако в Синтезесе правила совсем другие. Вы разобьё-

тесь на две команды, но пройти этап сможет только одна. В каждой команде будет один Инсайт и один Игрок, – сказал Рут.

И потом, чтобы все чётко осознали, добавил отдельно:
– Из разных поселений.

Асла облизнула пересохшие губы. Это было невероятно. Ей не только придётся играть против своего Игрока, к которому она испытывала больше чем симпатию. Ей придётся играть вдвоём с Фортром.

С Фортром.

– Вау, – сказал адвокат, посмотрев на неё. – Я ведь правильно понимаю, что...

– Исходя из вышесказанного, в одной команде будет Инсайт Орнубий из поселения 49 и Игрок Олерой из поселения 51, а в другой – Инсайт Асла из 51-го и Игрок Фортр из 49-го. Так что да, скорее всего, вы правильно всё поняли, – отозвался Рут, не сумев скрыть пробивающееся злорадство.

– Чудненько, – подытожил Олерой. – Очень мило.

– А то, – улыбнулся Смотритель.

Асла слезла со сцены и подошла к кулеру. Если она не выпьет чёртовой воды, то упадёт в обморок от таких новостей.

– Но какой в этом смысл? – поразился Орнубий. Играть вдвоём с психотерапевтом против Аслы ему совсем не хотелось. – Мы же должны были быть командой?

– И будете. Только в другом формате.

– И что нужно будет делать? – Асла отпила прохладной воды и наконец обрела дар речи, но перспектива играть с ненавидящим её адвокатом против Олероя лучше казаться не стала.

– О, это вы поймёте в процессе Синтезиса. В общем-то, суть заданий не сложная. Но кое-что новенькое вас всё же будет ждать, – ответил Рут, взглянув на планшет.

– Ты сказал, пройдёт только одна команда? – спросил Орнубий. – А что будет с другой?

Рут пожал плечами, словно ответ и так был всем ясен.

Красные Болота, подумал кто-то. *Смерть*, подумал другой.

И ещё: *То, что заслужили*.

– И в чём будет заключаться победа? – поинтересовался Фортр. – Опять баллы? Которые окажутся никому не нужными?

– Не совсем, – осторожно ответил Рут. – Вы же читали Положение, верно? Но на всякий случай напомню, – он снова ткнул в планшет и монотонно зачитал: «Успешным прохождением Синтезиса является переход к его финальной локации, который осуществляется путём выполнения заданий и сопровождается использованием тех или иных артефактов».

– Артефактов? – переспросил Орнубий.

– Ага. В общем, вам надо будет кое-что заполучить и неким образом это использовать. Большого сказать не могу.

Или не хочу, подумал Рут.

– И в чём подвох на этот раз? – спросил Олерой.

– Не знаю, – равнодушно пожал плечами Рут, хотя, конечно, прекрасно всё знал.

– И что, всё снова будет таким пафосным? – поинтересовался Фортр.

– Ну, некоторые помещения ещё не совсем доделаны, если ты про это. Но все механизмы работают как надо.

– Механизмы? – похолодела Асла. Ей живо вспомнилась Чёрная комната, засовы, запирающие её в одиночестве, таймер и неспособность что-то изменить без Флоры и Радвеля...

– Да, – небрежно бросил Рут. – Скоро увидите. Ах да, все задания на время. Таймер запустится, когда за вами закроется дверь. В каждой комнате будут приборы, отсчитывающие определённый промежуток времени, за которой нужно успеть выполнить задание и пройти в следующую локацию. Если вы не справитесь, то есть не успеете выполнить задание за отведённое время, – останетесь в Паноптикуме навсегда.

– Что?! – воскликнула Асла.

– Поверьте, это не из кровожадности. Просто все механизмы уже запрограммированы таким образом, что вам действительно лучше поторопиться. Хотя времени вам должно хватить.

– Господи, – выдохнула Асла.

Механизмы. Таймеры. Кровожадность. Фортр.

– Ну что, довольна своим решением? – поддел её адвокат,

видя, как изменилось её лицо. – А ведь могли бы отдыхать дома...

Орнубий вдруг положил ей руку на плечо, чуть сжал его и негромко сказал:

– Думаю, ты выбрала правильно.

Повисла тишина. Асла посмотрела на него и на адвоката. Орнубий был спокоен, а Фортр напряжён.

– Учитывая, что Крам якобы внезапно отправился «домой», – добавил Орнубий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.